

Кибербуллинг как феномен цифровой агрессии: психосоциальные характеристики и влияние на психическое здоровье

Луиза Сергеевна Бажанова¹, Павел Олегович Бомов²

¹ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Минздрава России, Хабаровск, Россия

²ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова» Минздрава России, Санкт-Петербург, Россия

Автор для корреспонденции: Павел Олегович Бомов, bomoff@yandex.ru

Резюме

Обоснование: кибербуллинг является одной из наиболее распространенных форм агрессии в цифровой среде, особенно среди подростков и молодежи. Современные исследования демонстрируют прямую связь между участием в кибербуллинге и развитием широкого спектра психических расстройств. **Цель обзора:** систематизировать научные публикации о типологии, распространенности, факторах риска и психических последствиях кибербуллинга. **Материалы и методы:** выполнен нарративный обзор 106 публикаций за 2015–2025 гг., отобранных по базам данных PubMed, Google Scholar и eLibrary. Были проанализированы оригинальные исследования, данные метаанализов и систематических обзоров, посвященных эпидемиологии, психологическим и поведенческим предикторам, методам диагностики кибербуллинга и его последствий. **Результаты:** кибербуллинг имеет высокие показатели распространенности. Они варьируются от 2,8 до 57,5% в разных популяциях. Основными факторами риска вовлечения в кибербуллинг являются: тревожность, депрессия, импульсивность, неблагоприятная семейная обстановка и низкий уровень социальной поддержки. Одни из самых тяжелых последствий кибербуллинга — депрессия, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), суицидальные тенденции и самоповреждающее поведение (селфхарм). Диагностика кибербуллинга осуществляется с помощью как опросников (например, COASI, CATQ), так и систем машинного обучения, включая нейросетевые модели. **Выводы:** кибербуллинг является многофакторным психосоциальным явлением, значимо влияющим на психическое здоровье. Его профилактика требует междисциплинарного подхода, включающего цифровую грамотность, социальную поддержку и раннее психотерапевтическое вмешательство.

Ключевые слова: кибербуллинг, виктимизация, тревога, депрессия, ПТСР, селфхарм

Финансирование: исследование проведено без спонсорской поддержки.

Для цитирования: Бажанова Л.С., Бомов П.О. Кибербуллинг как феномен цифровой агрессии: психосоциальные характеристики и влияние на психическое здоровье. *Психиатрия*. 2026;24(2):119–130. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2026-24-2-119-130>

REVIEW

UDC: 316.624 + 004.738.5

<https://doi.org/10.30629/2618-6667-2026-24-2-119-130>

Cyberbullying as a form of digital aggression: psychosocial characteristics and mental health impact

Luiza S. Bazhanova¹, Pavel O. Bomov²

¹Far Eastern State Medical University, Khabarovsk, Russia

²North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, St. Petersburg, Russia

Corresponding author: Pavel O. Bomov, bomoff@yandex.ru

Summary:

Background: cyberbullying is one of the most prevalent forms of aggression in the digital environment, particularly among adolescents and young adults. Contemporary research demonstrates a direct association between involvement in cyberbullying and the development of a broad range of mental health disorders. **The Aim** was to systematize scientific publications on the typology, prevalence, risk factors, and psychological consequences of cyberbullying. **Materials and Methods:** a narrative review of 106 publications from 2015 to 2025 was conducted using the PubMed, Google Scholar, and eLibrary databases. The review included original studies, meta-analyses, and systematic reviews focusing on the epidemiology, psychological and behavioral predictors, diagnostic methods, and mental health consequences of cyberbullying. **Results:** cyberbullying demonstrates high prevalence rates, ranging from 2.8% to 57.5% across different populations. The primary risk factors for involvement include anxiety, depression, impulsivity, adverse family environments, and low levels of social support. The most severe consequences include depression, post-traumatic stress disorder (PTSD), suicidal tendencies, and self-harming behavior. Diagnostic methods involve both self-report

questionnaires (e.g., COASI, CATQ) and machine learning systems, including neural network models. **Conclusions:** cyberbullying is a multifactorial psychosocial phenomenon with a significant impact on mental health. Effective prevention requires an interdisciplinary approach that includes digital literacy, social support, and early psychotherapeutic intervention.

Keywords: cyberbullying, victimization, anxiety, depression, PTSD, self-harm

Funding: The study was conducted without any sponsorship support.

For citation: Bazhanova L.S., Bomov P.O. Cyberbullying as a form of digital aggression: psychosocial characteristics and mental health impact. *Psychiatry (Moscow) (Psikhiatriya)*. 2026;24(2):119–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2026-24-2-119-130>

ВВЕДЕНИЕ

Развитие интернет-технологий за последние два десятилетия радикально трансформировало характер межличностной коммуникации, особенно среди молодежи. Социальные сети, мессенджеры, онлайн-форумы и игровые платформы создали новую цифровую среду, в которой традиционные формы взаимодействия обрели как новые возможности, так и ожидаемые риски. Одним из наиболее тревожных явлений этой эпохи стало распространение агрессии в онлайн-пространстве, получившее название кибербуллинг (от англ. *cyberbullying*). Впервые этот термин начали использовать в начале 2000-х годов для обозначения целенаправленного, повторяющегося поведения, направленного на причинение вреда другому человеку с использованием электронных средств коммуникации [1, 2]. Современное определение подчеркивает такие ключевые характеристики, как намеренность, дисбаланс сил в противостоянии и устойчивость агрессии во времени, при этом особое внимание уделяется анонимности, широкому охвату аудитории и трудностям в идентификации агрессора — аспектам, резко отличающим кибербуллинг от форм травли в реальной жизни [3].

Кибербуллинг представляет собой не только социальное и психологическое явление, но и большую проблему для существующих в цифровую эпоху систем правового регулирования. Существенные отличия кибербуллинга от травли в реальной жизни значительно осложняют его правовую квалификацию и правоприменение [4]. Например, в России законы ориентированы преимущественно на травлю, угрозы и преследования в реальной жизни, тогда как новые формы цифрового насилия часто остаются за пределами законодательного поля или недостаточно эффективно регулируются [5, 6]. Такие пробелы затрудняют выявление онлайн-агрессии и реализацию принципов правосудия для пострадавших.

Несмотря на внешнюю «бесплотность» онлайн-агрессии, ряд авторов считают, что кибербуллинг приводит к реальным и глубоким психологическим последствиям. Эпизоды цифровой травли нередко сопровождаются развитием тревожных и депрессивных расстройств, снижением самооценки, социальной изоляцией и даже суицидальными мыслями, особенно среди подростков и молодежи [7, 8]. Уникальность этого феномена заключается в его круглосуточной доступности — жертва не может «уйти домой» от агрессора, поскольку травля происходит через экран. Кроме

того, контент, связанный с травлей (например, оскорбительные изображения или сообщения), может быть многократно переслан, увиден большим количеством людей и сохранен в цифровом пространстве надолго, усиливая эффект стигматизации. В совокупности эти факторы превращают кибербуллинг в значимый стрессогенный фактор [9, 10], с которым сталкиваются психиатры, психологи, педагоги и исследователи в области психического здоровья, что требует системного анализа накопленных эмпирических данных.

Основной целью работы является систематизация результатов современных исследований о типологии, эпидемиологии, психических последствиях кибербуллинга, а также выявление факторов риска, механизмов уязвимости. Особое внимание уделено влиянию социальных и психологических факторов на развитие тревожных, депрессивных расстройств, посттравматических реакций.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Поиск научных работ проводился в базах данных PubMed, Google Scholar и eLIBRARY.ru, также были изучены публикации, включенные в списки использованных литературных источников тематических обзоров. Для поиска информации в поисковых запросах использовали различные комбинации указанных слов: «cyberbullying», «victimization», «harassment», «risk factors», «predictors», «depression», «anxiety», «suicide», «social network» и др. Далее ключевые слова объединялись в поисковые запросы, например: «depression, predictors AND cyberbullying». В нарративный обзор включали исследования об эпидемиологии, факторах риска, психологических последствиях, возможных способах профилактики кибербуллинга, опубликованные с 1 января 2015 г. по 30 апреля 2025 г. без языковых ограничений. Данный временной интервал был выбран в связи с резким увеличением количества публикаций, посвященных этой теме. Для обзора отобраны оригинальные исследования, систематические обзоры литературы, данные метаанализов. В исследование не включали абстракты, тезисы, монографии, руководства, учебные пособия. Для обобщения полученных данных использовали описательный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Всего в обзор было включено 106 работ, посвященных кибербуллингу. Затем при составлении обзора

были выделены основные разделы, в которых приводится информация об определении и типологии кибербуллинга, эпидемиологии, диагностике, факторах риска и последствиях для психического здоровья. Далее мы рассмотрим каждый из перечисленных аспектов кибербуллинга подробнее.

Определение и типология кибербуллинга

Кибербуллинг представляет собой современную форму агрессивного поведения, осуществляемого посредством цифровых технологий и отличающегося от традиционного буллинга своей уникальной природой [11, 12]. В отличие от офлайн-агрессии, которая ограничена пространством и временем (например, школьным двором или рабочим коллективом), кибербуллинг не имеет физических границ. Кибербуллинг может проводиться круглосуточно, быть анонимным и распространяться на широкую аудиторию практически мгновенно. Исследователи подчеркивают, что эта форма насилия оказывает более продолжительное и интенсивное психологическое воздействие, чем традиционный буллинг, именно за счет перманентности и публичности [13, 14]. Жертва может сталкиваться с агрессией не только в учебном заведении или на рабочем месте, но и дома, через смартфон или компьютер, в любое время суток [15, 16].

Одной из ключевых особенностей кибербуллинга исследователи признают многообразие его форм. Среди них наиболее часто авторы описывают киберхарассмент — систематическое отправление оскорбительных сообщений или угроз в частных переписках или групповых чатах. Не менее опасной формой авторы признают киберсталкинг, включающий в себя постоянное цифровое преследование: отслеживание действий жертвы в сети, навязчивые сообщения, создание фейковых аккаунтов для слежки [17, 18]. Еще одной разновидностью кибербуллинга авторы считают онлайн-шейминг — публичное унижение личности на основании внешности, поведения, сексуальных предпочтений или совершенных ошибок [19]. Наиболее тяжелым, по мнению авторов, является доксинг — преднамеренное обнародование личной информации о жертве (адреса, телефона, паспортных данных) с целью спровоцировать ее преследование в реальной жизни [20, 21]. В мировой литературе приведены описания и множества других форм онлайн-агрессии: флейминг (эмоциональные оскорбления) [22], грифинг (нарушение игрового процесса ради личного удовольствия в онлайн-играх) [23], кибертроллинг (агрессивное поведение, основанное на оскорблениях) [24], клевета [25], хэппислеппинг (съемка и публикация издевательств над людьми) [26] и др.

Кибербуллинг является широко распространенным феноменом в цифровой среде, при этом характер агрессивного поведения варьируется в зависимости от структурных и коммуникативных особенностей конкретных цифровых платформ. Социальные сети становятся основными аренами для публичной

травли. Здесь буллинг может проявляться через посты, комментарии, мемы и прямые сообщения, причем их воздействие усиливается за счет широкого охвата аудитории [27]. В обзоре М.Р. Натт и соавт. показано, что в среднем 23% детей и подростков подвергаются буллингу в социальных сетях, причем девочки страдают чаще мальчиков [28]. Другой тип платформ — мессенджеры — по мнению ученых, позволяет агрессору атаковать жертву более интимно, создавая ощущение вторжения в личное пространство [29]. Особое внимание исследователи уделяют онлайн-играм, где участники взаимодействуют в режиме реального времени, что способствует возникновению ситуаций токсичного поведения, включая словесные оскорбления, агрессию в голосовых чатах, а также исключение из команд на основе половой, этнической принадлежности или игровых навыков [30]. М.Е. Ballard и соавт. установили, что 52% геймеров подвергались кибербуллингу, а 35% были агрессорами. В дополнение к этому авторы выявили более распространенное агрессивное поведение среди мужчин и представителей традиционной сексуальной ориентации [31].

Таким образом, большинство исследователей считают, что кибербуллинг — это не цифровой эквивалент офлайн-агрессии, а социально-психологический феномен, обладающий специфическими характеристиками и особенностями.

Эпидемиология

Оценка масштабов такого явления как кибербуллинг довольно проблематична из-за использования различных критериев, этнических и культуральных особенностей населения разных стран, а также вследствие изучения разных возрастных групп. Показатели распространенности кибербуллинга сильно различаются в мировой литературе. По результатам метаанализа J. Henares-Montiel и соавт. жертвами онлайн-агрессии оказались от 2,8 до 31,5% подростков от 12 до 18 лет [32]. В систематическом обзоре С. Zhu и соавт. распространенность кибербуллинга у детского населения варьировалась от 13,99 до 57,5% [33]. В Американском исследовании 11–12 летних подростков жертвами кибербуллинга стали 9,6% участников [34].

В России распространенность кибербуллинга схожа с общемировой. В частности, в исследовании К.Д. Хломова и соавт. ученые выяснили, что 47,4% школьников сталкиваются с онлайн-агрессией [35]. В другой работе лишь 8,8% подростков сообщили, что подвергались буллингу в сети [36]. По результатам исследования, проводившемся в г. Екатеринбург, оказалось, что неоднократно жертвами кибербуллинга оказались 31,8% подростков, причем мальчики чаще, чем девочки, были как агрессорами, так и жертвами [37]. Гендерные различия обнаружены и в других исследованиях. В европейском обзоре A. Sorrentino и соавт. было показано, что болгарские мальчики оказались самыми агрессивными в онлайн-пространстве по сравнению с мальчиками из других стран (Италии, Франции,

Польши, Испании, Венгрии, Кипра, Греции), а девушки из Италии и Болгарии чаще становились жертвами, чем девушки из других стран [38]. Авторы исследований, проведенных в странах Восточной Азии, полагают, что, мальчики чаще, чем девочки, были как агрессорами, так и жертвами [39, 40]. Гендерные различия в эпидемиологии кибербуллинга, возможно, обусловлены, с одной стороны, культурными и социальными особенностями, с другой — спецификой восприятия агрессии в цифровой среде. Но, несмотря на широкую распространенность кибербуллинга, традиционные формы буллинга встречаются чаще, согласно исследованию российских школьников В.Л. Назарова и соавт. [41].

Возрастной анализ жертв кибербуллинга демонстрирует, что подростки являются самой уязвимой группой. Наиболее высокий уровень виктимизации фиксируется среди учащихся старших классов школ и студентов младших курсов университетов [42, 43]. Затем распространенность онлайн-агрессии снижается, но не исчезает. Согласно исследованию M.J. Wang и соавт., распространенность кибербуллинга обратно пропорциональна возрасту и минимальна у людей старше 66 лет [44].

Диагностика кибербуллинга

Диагностика кибербуллинга представляет собой одну из ключевых задач как в научных исследованиях, так и в практической медицине. Традиционно диагностика кибербуллинга проводится с помощью самозаполняемых опросников и шкал. Одним из наиболее широко используемых инструментов является шкала *Cyberbullying and Online Aggression Survey Instrument* (COASI), разработанная J.W. Patchin и S. Hinduja для оценки различных аспектов кибербуллинга и виктимизации среди подростков и молодежи. Этот инструмент позволяет оценить частоту агрессии, ее виды, а также последствия кибербуллинга [45, 46]. Другими распространенными опросниками являются *Coping with Cyberbullying Questionnaire* (CWCBCQ) [47], *Cyberbullying Behavior Questionnaire* (CBQ), *Cyber-aggression scale* (CYB-AGS) [48], *The Cyber-Aggression Typology Questionnaire* (CATQ) [49]. Больших валидационных исследований диагностических опросников кибербуллинга в России не проводилось, вследствие этого большинство исследователей либо адаптируют зарубежные опросники, либо используют авторские анкеты без полноценной международной валидации. В то же время В.П. Шейновым был разработан опросник «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга», который позволяет выявлять лиц, подверженных кибербуллингу [50]. Данный инструмент может быть полезен в профилактике онлайн-агрессии.

По мере развития технологий на помощь стандартным методам диагностики кибербуллинга приходят современные достижения, которые значительно расширили арсенал инструментов детекции кибербуллинга за счет применения методов искусственного интеллекта. Одним из перспективных направлений является

использование моделей на основе машинного обучения для автоматического анализа контента в социальных сетях. Такие подходы включают классификацию текстов с использованием алгоритмов опорных векторов (*Support Vector Machine*, SVM), метода случайного леса (*Random Forest*), а также более сложных архитектур на основе глубокого обучения, включая сверточные нейронные сети (*Convolutional Neural Networks*, CNN) и рекуррентные нейронные сети (*Recurrent Neural Networks*, RNN) [51, 52]. Одним из новейших направлений является применение больших языковых моделей (*Large Language Model*, LLM), специально обученных на пакетах данных, связанных с кибербуллингом. В исследовании B. Ogunleye и соавт. ученые продемонстрировали высокую эффективность применения LLM в автоматическом распознавании агрессивного и уничижительного поведения в текстах [53]. Дополнительно разрабатываются мультифункциональные платформы, сочетающие компьютерное зрение, анализ эмоций и распознавание речи для оценки мультимодального контента (изображений, видео, голосовых сообщений) на предмет признаков кибербуллинга [54, 55].

Таким образом, на данном этапе развития технологий наблюдается переход от субъективных методов диагностики кибербуллинга к многоуровневым, высокотехнологичным методам на основе генеративного ИИ, что может существенно повысить точность и своевременность обнаружения агрессивного поведения в цифровой среде.

Факторы риска возникновения кибербуллинга

По мнению ряда авторов, факторы, предрасполагающие к участию в кибербуллинге — как со стороны агрессора, так и со стороны жертвы — охватывают широкий спектр биологических, социальных и психологических характеристик [56, 57]. Среди психологических факторов высокая тревожность, депрессия, суицидальные мысли, низкая самооценка и социальная изоляция оказались в современных исследованиях одними из наиболее значимых предикторов статуса жертвы [58–60]. По данным исследования Е.И. Погореловой и соавт., подростки, вовлеченные в кибербуллинг, более враждебны. Для них менее значимыми являются такие сферы жизни, как семья, стремление к достижениям [61]. В работе Е.Ю. Шпаковской и соавт. подчеркивается склонность лиц, подвергшихся кибербуллингу, выступать в роли жертвы. Для этих лиц характерно иницирующее виктимное поведение, предполагающее провокацию агрессора, конфликтных ситуаций [62].

В исследовании N. Arató и соавт. показана значимая роль эмоциональной дисрегуляции как фактора риска стать жертвой кибербуллинга [63]. Получены данные о том, что подростки с высоким уровнем как экстернализации, так и интернализации более подвержены кибербуллингу [64]. В то же время наличие агрессивных черт личности, импульсивности, нарциссизма, склонности к доминированию, низкая чувствительность к горю

и вине, пренебрежение этическими нормами, анти-социальное поведение, отсутствие эмпатии, а также низкая самооценка предсказывают статус агрессора в контексте кибербуллинга [65–67]. Согласно исследованию А.А. Скорынина и соавт., с выраженностью агрессивного поведения в сети также связан невысокий показатель интеллекта [68].

В исследованиях показано, что социальные факторы также играют существенную роль. Например, наличие конфликтов в семье предрасполагает к вовлечению в кибербуллинг, в то время как близкие и теплые семейные отношения, покровительственный стиль воспитания, наличие семейных ценностей являются защитными факторами в отношении кибербуллинга [65]. В другом исследовании было показано, что автономно-поддерживающий стиль воспитания ассоциирован с низким уровнем вовлеченности в кибербуллинг как в качестве жертвы, так и в качестве агрессора, тогда как авторитарный или безразличный стиль воспитания, наоборот, увеличивают риски [69]. Поддержка со стороны сверстников, благоприятная школьная среда и качество межличностных отношений также влияют на риск вовлеченности в кибербуллинг. У подростков, отвергнутых сверстниками и испытывающих дефицит социальных контактов, выше вероятность стать либо агрессором, либо жертвой [70, 71]. Жертвами кибербуллинга, по мнению ученых, также чаще становились те, кто испытывал жестокое обращение в семье и в школе, в то же время было установлено, что наличие дружеских отношений и высокий уровень самоконтроля выступают защитными факторами [72].

На распространенность кибербуллинга, по-видимому, также влияют и экономические факторы. В европейском исследовании А. Görzig и соавт. ученые выяснили, что ожидаемая продолжительность жизни, высокая плотность населения отрицательно коррелировали с числом жертв кибербуллинга, а высокий уровень преступности и ВВП — положительно [73]. Особое внимание в прогнозировании вовлеченности в кибербуллинг уделяется цифровым привычкам и компетенциям. Согласно исследованиям, люди, которые лучше обращаются с интернет-технологиями и имеют доступ к более современным средствам анонимности, чаще становятся агрессорами и реже жертвами в контексте кибербуллинга [74, 75]. По данным метаанализа L. Chen и соавт., частое использование анонимных платформ, недостаточная саморегуляция поведения в интернете и более откровенное, агрессивное, рискованное поведение в сети увеличивают вероятность стать как агрессором, так и жертвой [76].

Последствия кибербуллинга для психического здоровья

Кибербуллинг оказывает разностороннее воздействие на психическое здоровье жертв, приводя к широкому спектру последствий — от сниженной самооценки и тревожных состояний [77] до клинически выраженных расстройств, таких как депрессия,

посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и суицидальное поведение. Согласно исследованиям, систематическая онлайн-агрессия оказывает негативное влияние как на подростков, так и на взрослых, причем уязвимость возрастает при длительной экспозиции агрессии [78, 79].

Одним из наиболее часто встречающихся последствий является депрессия. В исследовании T. Muhammad и соавт. ученые выяснили, что подростки, подвергавшиеся кибербуллингу, в 2,07 раза чаще испытывали симптомы депрессии и в 2,5 раза чаще — суицидальные мысли по сравнению с теми, кто не подвергался кибербуллингу [80]. Согласно метаанализу Y. Hu и соавт., кибербуллинг чаще способствует развитию депрессии у женщин, нежели у мужчин, а также у пожилых людей чаще, чем у молодых [81]. По мнению W. Wang и соавт. наличие социальной тревожности и низкий уровень невротизма обуславливают положительную связь между депрессией и кибербуллингом [82].

Особое внимание исследователи уделяют связи кибербуллинга с суицидальными тенденциями. Девочки-подростки, по данным обзора И.С. Карауш и соавт., являются наиболее уязвимой группой в отношении суицидального поведения вследствие кибербуллинга [83]. В различных возрастных и этнических группах прослеживается четкая корреляция между кибербуллингом и аутоагрессивным поведением [84]. По данным исследования D. Nikolaou и соавт., у жертв кибербуллинга на 14,5% чаще появлялись суицидальные мысли, и на 8,7% было больше попыток самоубийств [85]. К факторам риска суицидального поведения, обусловленного кибербуллингом, согласно систематическому обзору O. Dorol и соавт., были отнесены нарушения интеллекта, расстройства аутистического спектра (РАС), ожирение, астма и интенсивность кибербуллинга; в то время как хорошая социализация в школе, строгое воспитание, поддержка родителей, удовлетворенность жизнью, правильное питание, а также ужины вместе с семьей оказались защитными факторами [86].

Преднамеренное самоповреждение без суицидальных намерений (селфхарм) также является актуальной проблемой в контексте кибербуллинга. Согласно исследованию M. Eyuboglu и соавт., участие в кибербуллинге — как в качестве жертвы, так и в качестве агрессора — связано с самоповреждающим поведением [87]. К факторам риска селфхарма в контексте кибербуллинга авторы исследования относят родительский дистресс, наличие психических расстройств, повышенную сексуальную активность [88]. Новым феноменом, ставшим предметом исследований в литературе, стал «цифровой селфхарм» — это анонимные публикации, отправка или иной способ распространения оскорбительного контента о себе. По данным американского исследования J.W. Patchin и соавт., 7,1% мальчиков и 5,3% девочек размещали о себе негативный контент. Предикторами такого поведения авторы считают нетрадиционную сексуальную ориентацию,

опыт школьной травли, употребление наркотиков, симптомы депрессии, девиантное поведение [89].

Помимо депрессии и аутоагрессивного поведения, по мнению ученых, кибербуллинг также связан с симптомами посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [90]. Ученые из Великобритании в своем исследовании продемонстрировали значимую распространенность ПТСР как у жертв кибербуллинга, так и у агрессоров. 35% жертв и 29,2% агрессоров испытывали клинически значимые симптомы ПТСР [91]. По данным другого исследования, 46,7% подростков с ПТСР были жертвами кибербуллинга [92]. По мнению Н. Chen и соавт., причинами развития ПТСР у некоторых жертв кибербуллинга могут служить неадаптивные копинг-стратегии [93]. Психическая травма является не только следствием кибербуллинга, она может быть его причиной, ряд авторов считает, что наличие детской эмоциональной травмы является предиктором участия в кибербуллинге как в качестве агрессора, так и в качестве жертвы [94, 95].

Среди других психических последствий кибербуллинга ученые выделяют расстройства пищевого поведения [96], зависимость от психоактивных веществ [97], пограничное личностное расстройство [98], тревожные расстройства [99, 100].

ОБСУЖДЕНИЕ

При рассмотрении кибербуллинга сквозь призму многостороннего анализа научных публикаций, посвященных исследованию этого феномена, становится очевидно, что кибербуллинг представляет собой не просто виртуальную проекцию традиционной травли, а принципиально другое явление, обладающее уникальными свойствами, которые существенно трансформируют динамику насилия. Пространственная и временная неограниченность, анонимность агрессора и потенциально неограниченная аудитория делают кибербуллинг особенно токсичной формой агрессии. Эти факторы нарушают привычные механизмы психологической защиты, изоляции и отстранения от вредоносного воздействия, что делает его потенциально более опасным феноменом по сравнению с традиционной агрессией. Но, по мнению F. Sticca и соавт., отличия в тяжести этих форм агрессии незначительны [101]. Авторы считают, что сочетание традиционной травли и кибербуллинга приводит к наиболее тяжелым последствиям [102].

Собранные эпидемиологические данные подчеркивают существующие различия распространенности кибербуллинга как в международном, так и во внутринациональном контексте. Разброс в цифрах — от 2,8 до более, чем 50% — свидетельствует не столько о нестабильности феномена, сколько отражает отсутствие методологической однородности: различия в шкалах измерения, разные исследуемые выборки, культурные особенности, уровень цифровой грамотности. Тем не менее, даже при высокой вариативности этого феномена общее направление исследований однозначно

указывает на подростков как на наиболее уязвимую группу, что, с одной стороны, связано с их активной вовлеченностью в цифровую коммуникацию, а, с другой — с еще не сформированной системой эмоциональной саморегуляции.

При оценке диагностических методов очевидна методологическая эволюция от самозаполняемых опросников к интеграции инструментов искусственного интеллекта. Хотя традиционные шкалы демонстрируют удовлетворительную внутреннюю согласованность и валидность, они подвержены субъективным искажениям (например, эффекту социальной желательности). Напротив, автоматизированные модели, основанные на машинном обучении, показывают высокую чувствительность при обнаружении агрессивного контента, однако они также далеки от универсальной применимости. Эффект «черного ящика», сильная зависимость от качества данных снижают их клиническую и профилактическую ценность [103, 104]. В этой связи становится перспективным направление *Explainable AI* (Объяснимый ИИ), обеспечивающее необходимый баланс между точностью и прозрачностью.

Как показал анализ публикаций результатов исследований, факторы риска участия в кибербуллинге образуют сложную систему взаимодействия психологических, социальных, биологических характеристик. Жертвами чаще становятся подростки с высокой тревожностью, депрессией, низкой самооценкой и социальной изоляцией, тогда как агрессоры преимущественно характеризуются импульсивностью, нарциссизмом и антисоциальным поведением. Семейные конфликты, авторитарный стиль воспитания и дефицит поддержки повышают риск, в то время как теплые отношения с родителями и сверстниками играют защитную роль. Цифровые привычки также важны: анонимность, низкая саморегуляция и рискованное онлайн-поведение усиливают вероятность агрессии. Высокая цифровая компетентность может как защищать от виктимизации, так и способствовать агрессии. Эти данные подчеркивают необходимость комплексных профилактических программ, учитывающих не только индивидуальные, но и социальные и цифровые факторы.

Последствия для психического здоровья, описанные в обзоре, чрезвычайно значимы с точки зрения клинической практики. Наиболее распространенными психическими проблемами у участников кибербуллинга оказались депрессия, аутоагрессивное поведение и ПТСР. Хотя в большинстве работ эти связи представлены как корреляционные, некоторые продольные исследования представляют убедительные доказательства причинной роли кибербуллинга в возникновении психических расстройств [105, 106]. Интересным является факт наличия симптомов ПТСР у части агрессоров, что может говорить о том, что их агрессивное поведение связано с собственным травматическим опытом.

С точки зрения воспроизводимости и значимости большая часть результатов опирается на перекрестные

исследования, что ограничивает возможности выявления причинно-следственных связей. Кроме того, дефицит многоцентровых и лонгитюдных исследований, особенно в странах СНГ, ограничивает возможность применения этих данных в более широких группах. Этническая и культуральная специфика взаимодействия с цифровой средой требует контекстного подхода, адаптации шкал и моделей, а также этически выверенной интерпретации результатов.

Наше исследование не лишено ограничений. Ими стали несистемный поиск информации, сплошное включение любого типа исследований, отсутствие оценки качества включенных исследований. В большинстве включенных работ авторы использовали самозаполняемые опросники, подверженные искажениям, субъективности и эффекту социальной желательности. Кроме того, многие данные получены из перекрестных исследований, что не позволяет делать окончательные выводы о причинно-следственных связях между кибербуллингом и его последствиями. Для получения более достоверных сведений необходимы дальнейшие крупномасштабные исследования, в том числе и продолжные, включающие различные этнические группы.

Необходима разработка и валидизация психометрических инструментов на русском языке, адаптированных к культурному контексту. Перспективным представляется изучение биологических коррелятов виктимизации и агрессии. Отдельного интереса заслуживают возможности применения искусственного интеллекта не только для детекции, но и для прогнозирования рисков и реализации кибербуллинга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кибербуллинг представляет собой многогранный феномен, в котором переплетаются цифровая идентичность, психические особенности участников и социальный контекст. Профилактика и терапия кибербуллинга невозможны без системного подхода, включающего мониторинг рисков, цифровую грамотность, социальную поддержку и доступ к психологической помощи. Будущие исследования должны быть ориентированы на интервенционные модели, валидизирование шкал для различных этнических групп, а также на применение ИИ не только в детекции, но и в прогнозировании и профилактике кибербуллинга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Patchin JW, Hinduja S. Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying. *Youth Violence Juv Justice*. 2006;4(2):148–169. doi: 10.1177/1541204006286288
2. Smith PK, Mahdavi J, Carvalho M, Fisher S, Russell S, Tippett N. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *J Child Psychol Psychiatry*. 2008;49(4):376–385. doi: 10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x
3. Englander E, Donnerstein E, Kowalski R, Lin CA, Parti K. Defining cyberbullying. *Pediatrics*. 2017;140(2):S148–S151. doi: 10.1542/peds.2016-1758U
4. El Asam A, Samara M. Cyberbullying and the law: A review of psychological and legal challenges. *Comput Human Behav*. 2016;65:127–141. doi: 10.1016/j.chb.2016.08.012
5. Довбня АА, Пономарева А. Кибербуллинг, права человека в киберпространстве. *Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция*. 2023;(21):71–77. Dovbnya AA, Ponomareva A. Cyberbullying, human rights in cyberspace. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskiy universitet. Seriya: Yurisprudentsiya*. 2023;(21):71–77. (In Russ.).
6. Бочкарева ЕВ, Стренин ДА. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга. *Всероссийский криминологический журнал*. 2021;15(1):91–97. doi: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97 Bochkareva EV, Strenin DA. Theoretical and legal aspects of cyberbullying. *Russian Journal of Criminology*. 2021;15(1):91–97. (In Russ.). doi: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97
7. Martínez-Monteagudo MC, Delgado B, Díaz-Herreo Á, García-Fernández JM. Relationship between suicidal thinking, anxiety, depression and stress in university students who are victims of cyberbullying. *Psychiatry Res*. 2020;286:112856. doi: 10.1016/j.psychres.2020.112856
8. Varghese ME, Pistole MC. College student cyberbullying: Self-esteem, depression, loneliness, and attachment. *J Coll Couns*. 2017;20(1):7–21. doi: 10.1002/jocc.12055
9. Alhujaili A, Karwowski W, Wan TT, Hancock P. Affective and stress consequences of cyberbullying. *Symmetry*. 2020;12(9):1536. doi: 10.3390/sym12091536
10. González-Cabrera J, Calvete E, León-Mejía A, Pérez-Sancho C, Peinado JM. Relationship between cyberbullying roles, cortisol secretion and psychological stress. *Comput Human Behav*. 2017;70:153–160. doi: 10.1016/j.chb.2016.12.054
11. Zhang W, Huang S, Lam L, Evans R. Cyberbullying definitions and measurements in children and adolescents: Summarizing 20 years of global efforts. *Front Public Health*. 2022;10:1000504. doi: 10.3389/fpubh.2022.1000504
12. Шейнов ВП. Кибербуллинг: предпосылки и последствия. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2019;4(2(14)):77–98. Sheinov VP. Cyberbullying: prerequisite and implications. *Institute of psychology. Russian academy of sciences. Social and economic psychology*. 2019;4(2(14)):77–98. (In Russ.).
13. Waasdorp TE, Bradshaw CP. The overlap between cyberbullying and traditional bullying. *J Adolesc Health*. 2015;56(5):483–488. doi: 10.1016/j.jadohealth.2014.12.002

14. Baier D, Hong JS, Kliem S, Bergmann MC. Consequences of bullying on adolescents' mental health in Germany: Comparing face-to-face bullying and cyberbullying. *J Child Fam Stud*. 2019;28:2347–2357. doi: 10.1007/s10826-018-1181-6
15. Kowalski RM, Giumetti GW, Schroeder AN, Lattanner MR. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychol Bull*. 2014;140(4):1073–1137. doi: 10.1037/a0035618
16. Li C, Wang P, Martin-Moratinos M, Bella-Fernández M, Blasco-Fontecilla H. Traditional bullying and cyberbullying in the digital age and its associated mental health problems in children and adolescents: A meta-analysis. *Eur Child Adolesc Psychiatry*. 2024;33(9):2895–2909. doi: 10.1007/s00787-022-02128-x
17. Agustini N, Yusuf A. Types of cyberbullying experienced by adolescents. *Malays J Med Health Sci*. 2023;19:1–6.
18. Stevens F, Nurse JR, Arief B. Cyber stalking, cyber harassment, and adult mental health: A systematic review. *Cyberpsychol Behav Soc Netw*. 2021;24(6):367–376. doi: 10.1089/cyber.2020.0253
19. Oravec JA. Online social shaming and the moralistic imagination: The emergence of Internet-based performative shaming. *Policy Internet*. 2020;12(3):290–310. doi: 10.1002/poi3.226
20. Chen M, Cheung ASY, Chan KL. Doxing: What adolescents look for and their intentions. *Int J Environ Res Public Health*. 2019;16(2):218. doi: 10.3390/ijerph16020218
21. Douglas DM. Doxing: A conceptual analysis. *Ethics Inf Technol*. 2016;18(3):199–210. doi: 10.1007/s10676-016-9406-0
22. Jane EA. Flaming? What flaming? The pitfalls and potentials of researching online hostility. *Ethics Inf Technol*. 2015;17(1):65–87. doi: 10.1007/s10676-015-9362-0
23. Achterbosch L, Miller C, Vamplew P. A taxonomy of griefer type by motivation in massively multiplayer online role-playing games. *Behav Inf Technol*. 2017;36(8):846–860. doi: 10.1080/0144929X.2017.1306109
24. March E, Marrington J. A qualitative analysis of internet trolling. *Cyberpsychol Behav Soc Netw*. 2019;22(3):192–197. doi: 10.1089/cyber.2018.0210
25. Denwigwe CP, Uche RD, Asuquo PN, Ngbar MW. Cyber harassment, cyber denigration and social adjustment among secondary school students in Calabar Education Zone, Cross River State, Nigeria. *Eur J Soc Sci*. 2020;59(3):338–344.
26. Czeszejko-Sochacka KZ. Konstytucyjne i karne aspekty demoralizacji młodzieży na przykładzie zjawiska happy slapping. *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*. 2021;(1(59)):333–352. (In Czech) doi: 10.15804/PPK.2021.01.20
27. Whittaker E, Kowalski RM. Cyberbullying via social media. *J Sch Violence*. 2015;14(1):11–29. doi: 10.1080/15388220.2014.949377
28. Hamm MP, Newton AS, Chisholm A, Shulhan J, Milne A, Sundar P, Ennis H, Scott SD, Hartling L. Prevalence and effect of cyberbullying on children and young people: A scoping review of social media studies. *JAMA Pediatr*. 2015;169(8):770–777. doi: 10.1001/jamapediatrics.2015.0944
29. Aizenkot D. Cyberbullying experiences in classmates' WhatsApp discourse, across public and private contexts. *Child Youth Serv Rev*. 2020;110:104814. doi: 10.1016/j.childyouth.2020.104814
30. McInroy LB, Mishna F. Cyberbullying on online gaming platforms for children and youth. *Child Adolesc Soc Work J*. 2017;34:597–607. doi: 10.1007/s10560-017-0498-0
31. Ballard ME, Welch KM. Virtual warfare: Cyberbullying and cyber-victimization in MMOG play. *Games Cult*. 2017;12(5):466–491. doi: 10.1177/1555412015592
32. Henares-Montiel J, Benítez-Hidalgo V, Ruiz-Perez I, Pastor-Moreno G, Rodríguez-Barranco M. Cyberbullying and associated factors in member countries of the European Union: A systematic review and meta-analysis of studies with representative population samples. *Int J Environ Res Public Health*. 2022;19(12):7364. doi: 10.3390/ijerph19127364
33. Zhu C, Huang S, Evans R, Zhang W. Cyberbullying among adolescents and children: A comprehensive review of the global situation, risk factors, and preventive measures. *Front Public Health*. 2021;9:634909. doi: 10.3389/fpubh.2021.634909
34. Nagata JM, Trompeter N, Singh G, Ganson KT, Testa A, Jackson DB, Assari S, Murray SB, Bibbins-Domingo K, Baker FC. Social epidemiology of early adolescent cyberbullying in the United States. *Acad Pediatr*. 2022;22(8):1287–1293. doi: 10.1016/j.acap.2022.07.003
35. Хломов КД, Давыдов ДГ, Бочавер АА. Кибербуллинг в опыте российских подростков. *Психология и право*. 2019;9(2):276–295. doi: 10.17759/psylaw.2019090219
Khlovov KD, Davydov DG, Bocharov AA. Cyberbullying in the Experience of Russian Teenagers. *Psychology and Law* 2019;9(2):276–295. (In Russ.). doi: 10.17759/psylaw.2019090219
36. Волкова ЕН, Волкова ИВ. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга. *Вестник Мининского университета*. 2017; 3(20):17.
Volkova EN, Volkova IV. Cyberbullying as a method of social addressing teenagers on the Bullying situation. *Vestnik of Minin University*. 2017;3(20):17. (In Russ.). doi: 10.26795/2307-1281-2017-3-17
37. Ануфриева ЕВ, Набойченко ЕС, Ковтун ОП. Буллинг и кибербуллинг: проблема современного подростка. *Педиатрическая фармакология*. 2021;18(5):423–429. doi: 10.15690/pf.v18i5.2334

- Anufrieva EV, Naboychenko ES, Kovtu OP. Bullying and Cyberbullying: Problem of the Modern Teenager. *Pediatric pharmacology* 2021;18(5):423–429. (In Russ.). doi: 10.15690/pf.v18i5.2334
38. Sorrentino A, Baldry AC, Farrington DP, Blaya C. Epidemiology of cyberbullying across Europe: Differences between countries and genders. *Educ Sci Theory Pract.* 2019;19(2):74–91. doi: 10.12738/estp.2019.2.005
 39. Park MSA, Golden KJ, Vizcaino-Vickers S. Sociocultural values, attitudes and risk factors associated with adolescent cyberbullying in East Asia: A systematic review. *Cyberpsychol Behav Soc Netw.* 2021;24(11):748–756. doi: 10.1089/cyber.2020.0505
 40. Wang P, Wang X, Lei L. Gender differences between student–student relationship and cyberbullying perpetration: An evolutionary perspective. *J Interpers Violence.* 2021;36(21–22):NP11871–NP11891. doi: 10.1177/0886260519865970
 41. Назаров ВЛ, Авербух НВ, Буйначева АВ. Буллинг и кибербуллинг в современной школе. *Образование и наука.* 2022;24(2):169–205. doi: 10.17853/1994-5639-2022-2-169-205
 - Nazarov VL, Averbukh NV, Buinacheva AV. Bullying and cyberbullying in a modern school. *The Education and Science Journal.* 2022;24(2):169–205. (In Russ.). doi: 10.17853/1994-5639-2022-2-169-205
 42. Calmaestra J, Rodríguez-Hidalgo AJ, Mero-Delgado O. Cyberbullying in adolescents from Ecuador and Spain: Prevalence and differences in gender, school year and ethnic-cultural background. *Sustainability.* 2020;12(11):4597. doi: 10.3390/su12114597
 43. Chudal R, Tiiri E, Brunstein Klomek A, Ong SH, Gyllenberg D. Victimization by traditional bullying and cyberbullying among adolescents in 13 European and Asian countries. *Eur Child Adolesc Psychiatry.* 2021;30(12):1941–1952. doi: 10.1007/s00787-021-01779-6
 44. Wang MJ, Yogeewaran K, Andrews NP, Sibley CG. How common is cyberbullying among adults? Exploring gender, ethnic, and age differences in the prevalence of cyberbullying. *Cyberpsychol Behav Soc Netw.* 2019;22(11):736–741. doi: 10.1089/cyber.2019.0146
 45. Patchin JW, Hinduja S. Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying. *Youth Violence Juv Justice.* 2006;4(2):148–169. doi: 10.1177/1541204006286288
 46. Hinduja S, Patchin JW. *Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying.* 2nd ed. Corwin Press; 2014.
 47. Sticca F, Machmutow K, Stauber A, Perren S, Palladino BE, Nocentini A, Menesini E, Corcoran L, McGuckin C, Scheithauer H, Schultze-Krumholz A, Blaya C, Berne S, Luik P, Naruskov K, Zukauskienė R, Ortega-Ruiz R. The coping with cyberbullying questionnaire: Development of a new measure. *Societies.* 2015;5(2):515–536. doi: 10.3390/soc5020515
 48. Faizah R, Hermahayu H, Sandy F, Qomariyah L, Haq ALA. Cyberbullying: Unmasking the right assessment. In Proceedings of: 5th Borobudur International Symposium on Humanities and Social Science 2023. Atlantis Press. 2024:848–857. doi: 10.2991/978-2-38476-273-6_88
 49. Runions KC, Bak M, Shaw T. Disentangling functions of online aggression: The cyber-aggression typology questionnaire (CATQ). *Aggress Behav.* 2017;43(1):74–84. doi: 10.1002/ab.21663
 50. Шейнов ВП. Опросник «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга»: разработка и предварительная валидизация. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2020;17(3):521–541. doi: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-521-541
 - Sheinov VP. Questionnaire on assessing individual vulnerability to cyberbullying: development and preliminary validation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics.* 2020;17(3):521–541. (In Russ.). doi: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-521-541
 51. Akter F, Jahangir MUF, Chowdhury RR, Rabbi MF. Cyberbullying detection on social media platforms utilizing different machine learning approaches. *Int J Comput Appl.* 2023;975:8887. doi: 10.5120/ijca2025924395
 52. Mahmud T, Ptaszynski M, Masui F. Leveraging explainable AI and sarcasm features for improved cyberbullying detection in multilingual settings. In: 2024 IEEE Digital Platforms and Societal Harms (DPSH). IEEE; 2024:1–8. doi: 10.1109/DPSH60098.2024.10774626
 53. Ogunleye B, Dharmaraj B. The use of a large language model for cyberbullying detection. *Analytics.* 2023;2(3):38. doi: 10.3390/analytics2030038
 54. Orrù G, Galli A, Gattulli V, Gravina M, Micheletto M. Development of technologies for the detection of (cyber) bullying actions: The Bully Buster project. *Information.* 2023;14(8):430. doi: 10.3390/info14080430
 55. Sanchez-Medina AJ, Galván-Sánchez I. Applying artificial intelligence to explore sexual cyberbullying behaviour. *Heliyon.* 2020;6(5):e04099. doi: 10.1016/j.heliyon.2020.e04099
 56. Colella GM, Servidio RC, Palermi AL. Cyberbullying perpetration and socio-behavioral correlates in Italian and Spanish preadolescents: A cross-national study and serial mediation analysis. *Int J Environ Res Public Health.* 2025;22(3):389. doi: 10.3390/ijerph22030389
 57. Zhu C, Huang S, Evans R, Zhang W. Cyberbullying among adolescents and children: a comprehensive review of the global situation, risk factors, and preventive measures. *Front Public Health.* 2021;9:634909. doi: 10.3389/fpubh.2021.634909
 58. Martínez-Monteagudo MC, Delgado B, Díaz-Herrero Á, García-Fernández JM. Relationship between suicidal thinking, anxiety, depression and stress in university students who are victims of cyberbullying.

- Psychiatry Res.* 2020;286:112856. doi: 10.1016/j.psychres.2020.112856
59. Kırcaburun K, Kokkinos CM, Demetrovics Z, Király O, Griffiths MD, Çolak TS. Problematic online behaviors among adolescents and emerging adults: Associations between cyberbullying perpetration, problematic social media use, and psychosocial factors. *Int J Ment Health Addict.* 2019;17(4):891–908. doi: 10.1007/s11469-018-9894-8
 60. Brewer G, Kerslake J. Cyberbullying, self-esteem, empathy and loneliness. *Comput Human Behav.* 2015;48:255–260. doi: 10.1016/j.chb.2015.01.073
 61. Погорелова ЕИ, Арькова ИВ, Голубовская АС. Психологические особенности подростков, включенных в ситуацию кибербуллинга. *Северо-Кавказский психологический вестник.* 2016;14(2):47–53. Pogorelova EI, Ar'kova IV, Golubovskaya AS. Psychological features of adolescents involved in cyberbullying situations. *North-Caucasian Psychological Bulletin.* 2016;14(2):47–53. (In Russ.).
 62. Шпаковская ЕЮ, Ключкина АА. Психологические особенности виктимного поведения подростков, подвергавшихся кибербуллингу. *Мир науки. Педагогика и психология.* 2020;8(1):59. Shpakovskaya EYu, Klyukina AA. Psychological features of victimized behavior of adolescents subjected to cyberbullying. *World of Science. Pedagogy and Psychology.* 2020;8(1):59. (In Russ.).
 63. Arató N, Zsidó AN, Rivnyák A. Risk and protective factors in cyberbullying: The role of family, social support and emotion regulation. *Int J Bull Prev.* 2022;4:160–173. doi: 10.1007/s42380-021-00097-4
 64. Tsitsika A, Janikian M, Wójcik S, Makaruk K, Olafsson K, Tzavela E, Greydanus D, Merrick J, Richardson C. Cyberbullying victimization prevalence and associations with internalizing and externalizing problems among adolescents in six European countries. *Comput Human Behav.* 2015;51:1–7. doi: 10.1016/j.chb.2015.04.048
 65. Shaikh FB, Rehman M, Amin A. Cyberbullying: A systematic literature review to identify the factors impelling university students towards cyberbullying. *IEEE Access.* 2020;8:148031–148051. doi: 10.1109/ACCESS.2020.3015669
 66. Zhong J, Zheng Y, Huang X, Mo D, Gong J. Study of the influencing factors of cyberbullying among Chinese college students incorporated with digital citizenship. *Front Psychol.* 2021;12:621418. doi: 10.3389/fpsyg.2021.621418
 67. Дозорцева ЕГ, Кирюхина ДВ. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков. *Прикладная юридическая психология.* 2020;(1):80–87. doi: 10.33463/2072-8336.2020.1(50).080-087 Dozortseva EG, Kiryukhina DV. Cyberbullying and deviant behavior in adolescents». *Applied Legal Psychology Scientific Journal.* 2020; (1):80–87. (In Russ.). doi: 10.33463/2072-8336.2020.1(50).080-087
 68. Скорынин АА, Вихман АА. Интеллектуальные предикторы кибербуллинга и компьютерной зависимости в подростковом возрасте. *Вестник Мининского университета.* 2022;10(3(40)):9. doi: 10.26795/2307-1281-2022-10-3-9 Skorynin AA, Vikhman AA. Cognitive basis of cyberbullying and computer addiction in adolescence. *Vestnik of Minin University.* 2022;10(3):9. (In Russ.). doi: 10.26795/2307-1281-2022-10-3-9
 69. Martínez I, Murgui S, Garcia OF, Garcia F. Parenting in the digital era: Protective and risk parenting styles for traditional bullying and cyberbullying victimization. *Comput Human Behav.* 2019;90:84–92. doi: 10.1016/j.chb.2018.08.036
 70. Gatti U, Barranco R, Verde A. Psychosocial factors of risk and protection associated with juvenile cyberbullying victimization. *Psychiatry Psychol Law.* 2023;30(1):70–84. doi: 10.1080/13218719.2022.2040395
 71. Yubero S, Navarro R, Elche M, Larrañaga E, Ovejero A. Cyberbullying victimization in higher education: An exploratory analysis of its association with social and emotional factors among Spanish students. *Comput Human Behav.* 2017;75:439–449. doi: 10.1016/j.chb.2017.05.037
 72. Tian L, Huang J, Huebner ES. Profiles and transitions of cyberbullying perpetration and victimization from childhood to early adolescence: Multi-contextual risk and protective factors. *J Youth Adolesc.* 2023;52(2):434–448. doi: 10.1007/s10964-022-01633-1
 73. Gözrig A, Milosevic T, Staksrud E. Cyberbullying victimization in context: The role of social inequalities in countries and regions. *J Cross Cult Psychol.* 2017;48(8):1198–1215. doi: 10.1177/0022022116686186
 74. Balakrishnan V. Cyberbullying among young adults in Malaysia: The roles of gender, age and Internet frequency. *Comput Human Behav.* 2015;46:149–157. doi: 10.1016/j.chb.2015.01.021
 75. Musharraf S, Bauman S, Anis-ul-Haque M, Malik JA. General and ICT self-efficacy in different participant roles in cyberbullying/victimization among Pakistani university students. *Front Psychol.* 2019;10:1098. doi: 10.3389/fpsyg.2019.01098
 76. Chen L, Ho SS, Lwin MO. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization: From the social cognitive and media effects approach. *New Media Soc.* 2017;19(8):1194–1213. doi: 10.1177/1461444816634037
 77. Красонцева ЕЮ, Перке ВИ, Сверч ЛП. Кибербуллинг подростков: изучение социально-психологических последствий. *Международный журнал медицины и психологии.* 2020;3(4):32–37. Krasontseva EYu, Rerke VI, Sverch LP. Adolescent cyberbullying: studying the social and psychological consequences. *International Journal of Medicine and Psychology.* 2020;3(4):32–37. (In Russ.).

78. Varela JJ, Hernández C, Miranda R, Barlett CP. Victims of cyberbullying: Feeling loneliness and depression among youth and adult Chileans during the pandemic. *Int J Environ Res Public Health*. 2022;19(10):5886. doi: 10.3390/ijerph19105886
79. Agustiningsih N, Yusuf A. The impact of bullying and cyberbullying on mental health: A systematic review. *Int J Public Health Sci*. 2024;13(2):513–520. doi: 10.11591/ijphs.v13i2.23683
80. Muhammad T, Dhillon P, Maurya P. The effects of cyberbullying victimization on depression and suicidal ideation among adolescents and young adults: A three-year cohort study from India. *BMC Psychiatry*. 2022; 2(1):599. doi: 10.1186/s12888-022-04238-x
81. Hu Y, Bai Y, Pan Y, Li S. Cyberbullying victimization and depression among adolescents: A meta-analysis. *Psychiatry Res*. 2021;305:114198. doi: 10.1016/j.psychres.2021.114198
82. Wang W, Xie X, Wang X, Lei L, Hu Q, Jiang S. Cyberbullying and depression among Chinese college students: A moderated mediation model of social anxiety and neuroticism. *J Affect Disord*. 2019;256:54–61. doi: 10.1016/j.jad.2019.05.061
83. Карауш ИС, Куприянова ИЕ, Кузнецова АА. Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков. *Суицидология*. 2020;11(1(38)):117–129. (In Russ.). doi: 10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129
84. Karaush IS, Kupriyanova IE, Kuznetsova AA. Cyberbullying and suicidal behavior of adolescents. *Suicidology*. 2020; 11(1):117–129. (In Russ.). doi: 10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129
85. John A, Glendenning AC, Marchant A, Montgomery P, Stewart A, Wood S, Lloyd K, Hawton K. Self-harm, suicidal behaviours, and cyberbullying in children and young people: Systematic review. *J Med Internet Res*. 2018;20(4):e9044. doi: 10.2196/jmir.9044
86. Nikolaou D. Does cyberbullying impact youth suicidal behaviors? *J Health Econ*. 2017;56:30–46. doi: 10.1016/j.jhealeco.2017.09.009
87. Dorol O, Mishara BL. Systematic review of risk and protective factors for suicidal and self-harm behaviors among children and adolescents involved with cyberbullying. *Prev Med*. 2021;152:106684. doi: 10.1016/j.ypmed.2021.106684
88. Eyuboglu M, Eyuboglu D, Pala SC, Oktar D, Demirtas Z, Arslantas D, Unsal A. Traditional school bullying and cyberbullying: Prevalence, the effect on mental health problems and self-harm behavior. *Psychiatry Res*. 2021;297:113730. doi: 10.1016/j.psychres.2021.113730
89. Islam MI, Yunus FM, Kabir E, Khanam R. Evaluating risk and protective factors for suicidality and self-harm in Australian adolescents with traditional bullying and cyberbullying victimizations. *Am J Health Promot*. 2021;36(1):73–83. doi: 10.1177/089011712111034105
90. Patchin JW, Hinduja S. Digital self-harm among adolescents. *J Adolesc Health*. 2017;61(6):761–766. doi: 10.1016/j.jadohealth.2017.06.012
91. Hinduja S, Patchin JW. Cyberbullying through the lens of trauma: An empirical examination of US youth. *BMC Public Health*. 2025;25:1709. doi: 10.1186/s12889-025-22692-6
92. Mateu A, Pascual-Sánchez A, Martínez-Hervas M, Hickey N, Nicholls D, Kramer T. Cyberbullying and post-traumatic stress symptoms in UK adolescents. *Arch Dis Child*. 2020;105(10):951–956. doi: 10.1136/archdischild-2019-318716
93. Ranney ML, Patena JV, Nugent N, Spirito A, Boyer E, Zatzick D, Cunningham R. PTSD, cyberbullying and peer violence: Prevalence and correlates among adolescent emergency department patients. *Gen Hosp Psychiatry*. 2016;39:32–38. doi: 10.1016/j.genhosppsych.2015.12.002
94. Chen H, Li Y, Xiong J, Yu J, Wu T. Cyberbullying victimization and post-traumatic stress disorder symptoms among college students: Mediating role of negative coping and moderating role of perceived control. *Curr Psychol*. 2024;43:19294–19303. doi: 10.1007/s12144-024-05760-9
95. Kircaburun K, Demetrovics Z, Király O, Griffiths MD. Childhood emotional trauma and cyberbullying perpetration among emerging adults: A multiple mediation model of the role of problematic social media use and psychopathology. *Int J Ment Health Addict*. 2020;18:548–566. doi: 10.1007/s11469-018-9941-5
96. Akarsu Ö, Budak Mİ, Okanlı A. The relationship of childhood trauma with cyberbullying and cyber victimization among university students. *Arch Psychiatr Nurs*. 2022;41:181–187. doi: 10.1016/j.apnu.2022.06.004
97. Cheng CM, Chu J, Ganson KT, Trompeter N, Testa A, Jackson DB, He J, Glidden DV, Baker FC, Nagata JM. Cyberbullying and eating disorder symptoms in US early adolescents. *Int J Eat Disord*. 2023; 56(12):2336–2342. doi: 10.1002/eat.24034
98. Pichel R, Feijóo S, Isorna M, Varela J, Rial A. Analysis of the relationship between school bullying, cyberbullying, and substance use. *Child Youth Serv Rev*. 2022;134:106369. doi: 10.1016/j.childyouth.2022.106369
99. Stockdale LA, Coyne SM, Nelson DA, Erickson DH. Borderline personality disorder features, jealousy, and cyberbullying in adolescence. *Pers Individ Dif*. 2015;83:148–153. doi: 10.1016/j.paid.2015.04.003
100. Chu XW, Fan CY, Liu QQ, Zhou ZK. Cyberbullying victimization and symptoms of depression and anxiety among Chinese adolescents: Examining hopelessness as a mediator and self-compassion as a moderator. *Comput Human Behav*. 2018;86:377–386. doi: 10.1016/j.chb.2018.04.039
101. Lee MHL, Kaur M, Shaker V, Yee A, Sham R, Siau CS. Cyberbullying, social media addiction and associations with depression, anxiety, and stress among medical students in Malaysia. *Int J Environ Res Public Health*. 2023;20(4):3136. doi: 10.3390/ijerph20043136

101. Sticca F, Perren S. Is cyberbullying worse than traditional bullying? Examining the differential roles of medium, publicity, and anonymity for the perceived severity of bullying. *J Youth Adolesc.* 2013;42:739–750. doi: 10.1007/s10964-012-9867-3
102. Tural Hesapcioglu S, Ercan F. Traditional and cyberbullying co-occurrence and its relationship to psychiatric symptoms. *Pediatr Int.* 2017;59(1):16–22. doi: 10.1111/ped.13067
103. Yu B, Kumbier K. Artificial intelligence and statistics. *Front Inf Technol Electron Eng.* 2018;19(1):6–9. doi: 10.1631/FITEE.1700813
104. Wang F, Kaushal R, Khullar D. Should health care demand interpretable artificial intelligence or accept “black box” medicine? *Ann Intern Med.* 2020;172(1):59–60. doi: 10.7326/M19-2548
105. Fahy AE, Stansfeld SA, Smuk M, Smith NR, Cummins S, Clark C. Longitudinal associations between cyberbullying involvement and adolescent mental health. *J Adolesc Health.* 2016;59(5):502–509. doi: 10.1016/j.jadohealth.2016.06.006
106. Gámez-Guadix M, Orue I, Smith PK, Calvete E. Longitudinal and reciprocal relations of cyberbullying with depression, substance use, and problematic internet use among adolescents. *J Adolesc Health.* 2013;53(4):446–452. doi: 10.1016/j.jadohealth.2013.03.030

Сведения об авторах

Луиза Сергеевна Бажанова, ассистент, кафедра психиатрии и наркологии, ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Минздрава России, Хабаровск, Россия
bazanova.luiza@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0007-7945-0790>

Павел Олегович Бомов, кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой психотерапии, медицинской психологии и сексологии, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова» Минздрава России, Санкт-Петербург, Россия
bomoff@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7559-2719>

Information about the authors

Luiza S. Bazhanova, Assistant, Department of Psychiatry and Narcology, Far Eastern State Medical University, Khabarovsk, Russia
bazanova.luiza@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0007-7945-0790>

Pavel O. Bomov, Cand. Sci. (Med.), Docent, Head of the Department of Psychotherapy, Medical Psychology, and Sexology, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, St. Petersburg, Russia
bomoff@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7559-2719>

Вклад авторов

Бажанова Л.С. — концептуализация, написание — первоначальный проект, написание — обзор и редактирование, представление данных;

Бомов П.О. — методология, валидация, администрирование проекта, контроль данных.

Author contribution

Luiza S. Bazhanova — Conceptualization, Writing — original draft, Writing — review and editing, Visualization;
Pavel O. Bomov — Methodology, Validation, Project administration, Data curation.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Дата поступления 01.07.2025
Received 01.07.2025

Дата рецензирования 30.12.2025
Revised 30.12.2025

Дата принятия к публикации 27.01.2026
Accepted for publication 27.01.2026